

С.Ю. БАРСУКОВА

Государство и бандиты: драма с прологом и эпилогом

В статье исследуется эволюция силового предпринимательства в России. От советского периода до 2000-х гг. этим видом бизнеса занимались сначала бандиты, бывшие спортсмены и воины-афганцы, затем – отставные силовики, наконец, – действующие силовики. Специфика 2000-х гг. состоит в том, что права государства как деперсонифицированной машины по поддержанию формальных институтов были приватизированы чиновниками и силовиками, использующими ресурсы государства в интересах связанных с ними группировок.

Ключевые слова: силовое предпринимательство, государство, формальные институты, неформальные институты, силовики, бандиты.

In article evolution of power business in Russia is investigated. From the Soviet period to 2000th bandits, the former athletes and Afghan soldiers, after that retired security officers, and finally acting security officers were engaged in this type of business. Specifics of the 2000th is that the prerogatives of the state as the depersonifitsirovanny mechanism of maintenance of formal institutes were privatized by officials and the security officers who used resources of the state in interests of the related groups.

Keywords: power business, state, formal institutes, informal institutes, security officers, bandits.

Пролог

До июля 2011 г. никто в России не знал о существовании уральской деревушки Сагры. Потом Сагра прославилась. Дело было так: цыгане в деревне “всех достали” – воровали, приторговывали наркотой, на что им было указано местными жителями. Обидевшаяся цыганка позвонила брату на зону, и тот прямо с нар (!) вызвал из Екатеринбурга отряд “отморозков” для устрашения Сагры. Колонну из пятнадцати машин не остановил ни один гаишник. Полсотни “отморозков” как спортивно-славянской, так и неспортивно-азербайджанской внешности ночью прибыли в Сагру. Завязалась перестрелка, один бандит был убит, остальные разбежались, не зная, что у мужиков из Сагры было всего три ствола и чуток патронов. Хотя нет – еще вилы, топор. Так и слышится голос Ю. Левитана: “Несмотря на превосходящие силы противника...”. Мороз по коже и гордость за уральских мужиков.

Не будем утяжелять рассказ подробностями. Они сплошь о доблестной милиции: арестовали сначала как раз жителей Сагры и довольно навязчиво предлагали взять на себя убийство бандита, обещая за это “хорошую камеру”, тем самым благородно спасая от мести подельников. Через месяц журналисткой шумихи Сагре повезло. Дело взяли на заметку на высоком уровне. Сагринских мужиков отпустили. Начались аресты членов банды, что было необременительно, ибо многие к тому времени уже уехали

на историческую родину. Справедливость в оформлении постановлений и протоколов обязательно восторжествует. По крайней мере, общественности доложат об этом.

Мне эта история не дает покоя. Перестрелка в ночи, бандиты, вялая милиция... Визитная карточка 1990-х гг. Это все уже было! Где качественная разница с нашими днями? В поисках ответа перечитала лучшую книгу об этом [Волков, 2011]. Фактически, все нижеизложенное – моя интерпретация и структурирование идей В. Волкова.

Государство и бандиты: теоретический аспект

Прежде всего обрисовываем теоретические рамки анализа. Вслед Волкову я говорю не о насилии вообще, а исключительно *о роли силовых структур в экономических процессах*. То есть меня интересует не любой носитель физического насилия, а только тот, действия которого играют роль в функционировании экономики. Таковыми могут быть как государственные, так и частные структуры, которые, в свою очередь, делятся на легальные и нелегальные.

Что объединяет государство и бандита? То, что это разные формы одного явления – *силового предпринимательства, суть которого состоит в превращении организованной силы в источник постоянного дохода путем установления контроля над экономическими агентами*. Грабитель таковым не является, по причине отсутствия долговременных экономических отношений с жертвой.

Само сравнение государства и бандита многим кажется кощунственным. Между тем бандит – частный нелегальный силовой предприниматель. И его роль в становлении российского капитализма трудно переоценить.

Для понимания роли силовых предпринимателей принципиальны несколько утверждений. **Первое.** Общественные отношения строятся на базе трех ресурсов – *сила, деньги и слово*. Именно физическое насилие, экономические ресурсы и способность наделять действия неким смыслом образуют ткань общества. Общества различаются лишь формами реализации этих ресурсов, механизмами их конвертации и принципами распределения между социальными группами. В этой триаде физическому насилию принадлежит ключевая роль. Но если по отношению к воображаемому обществу дикого варварства приоритет силы не вызывает сомнений, то в современных обществах грубая физическая сила представляется реликтовым явлением. Рынок воспевается как антитеза насилию и принуждению. Добровольность рыночных взаимодействий эгоистично ориентированных людей – вот фасад современных обществ. И это самое большое заблуждение, мешающее понять механизм рыночного обмена.

Дело в том, что простая задачка про то, как “Джон продал Биллу несколько бушелей пшеницы” не имеет решения, если упразднить фоновое знание этих джентльменов о безопасности сделки, то есть о защите их сделки законами. Любыми. Писаными или неписаными. За соблюдением которых следит полиция или мафия. Добровольность сделки строится на знании, что если весы шулерские, а деньги фальшивые, то обманщика накажут, что есть сила, принуждающая соблюдать условия сделки. Именно сила принуждения конституирует правило. Принуждение как потенциальное насилие, применимое к нарушителям правил, держит на себе всю декорацию свободных рыночных отношений. И даже библейское “не воруй” опирается на неотвратимость наказания после смерти.

Если верить Дж. Лондону, то в годы золотой лихорадки старатели не хотели тратить время и силы на строительство тюрем, но контингент был такой, что всякое случалось. Нарушителей правил, здесь и сейчас установленных, сажали в лодку и отправляли вниз по Юкону¹. Тяжесть преступления измерялась числом дней, обеспеченных провизией. Мелкому воришке полагалось продуктов на две недели пути. Убийце

¹ См. рассказ Дж. Лондона “Исчезновение Маркуса О’Брайена”. Кстати, писатель верил, что уважение к закону в крови некоторых народов. В рассказе “Неожиданное” носителем истового, почти религиозного чувства к закону выступает англичанка, казвившая преступника в глухом местечке в годы “золотой лихорадки” с соблюдением всех законных формальностей.

не давали продовольствия совсем. Это была самоорганизация людей, не имеющих возможности опереться на правоохранительную систему своей страны, но и не способных жить вне законов. И не потому, что уважение к законам было у них в крови: скорее, народ там был иного замеса. Но люди приехали, чтобы разбогатеть, и потому жестко и лаконично сбили каркас правил, гарантирующих права собственности. Ведь институт собственности существует только в виде свода правил, и содержание этих правил ничего не стоит, если нет неотвратимости наказаний за их нарушение.

Второе. *Под вывеской борьбы с преступными сообществами государство борется с конкурентами.* Ведь с функциональной точки зрения они коллеги, так как производят блага одного рода, а именно, посредством силового ресурса обеспечивают поддержание правил взаимодействия. Соотношение цены и качества этой услуги влияет на выбор потребителя: если сицилийская мафия эффективнее, чем полиция, возвращала украденный скот, то крестьяне охотнее платили дань мафиози, чем налоги государству. К тому же мафия позиционировала себя как защитника местных обычаев, что способствовало ее легитимности. Отсюда двумя принципиальными стратегиями борьбы с бандитами является или их физическое уничтожение, или экономическое разорение, когда потребители силовых услуг ногами проголосуют за государство как единственного надежного гаранта хозяйственной жизни.

Но должна огорчить, государство никогда не одержит полную победу над бандитами. И не потому, что цена этой победы может быть больше потенциального выигрыша. Дело в том, что *государство не может устанавливать и обеспечивать правила в той зоне экономики, которую не признает законной.* Тем самым отдает эту экономическую реальность под опеку альтернативных силовых организаций. Если наркобизнес или проституция не легализованы, то на этих рынках функциональным аналогом государства неизбежно станут преступные сообщества. Криминальная специфика не отменяет потребность этих рынков в физическом принуждении к поддержанию правил. При наличии функционального запроса желающие и способные его удовлетворить всегда найдутся. Сухой закон в США стал “золотым веком” американской мафии, поскольку подпольное бутлеггерство нуждалось в силовом ресурсе для регулирования экономических процессов и погашения неизбежно возникающих конфликтов. Криминальный бизнес при всем желании не может платить налоги государству, но платит дань бандитам, что с точки зрения покупаемых услуг одно и то же. Для криминального бизнеса сообщества бандитов – безальтернативный силовой партнер, своего рода теневое правительство, устанавливающее нормы поведения на этом рынке.

Третье. Государство – это не проект гениального ума, не планомерное организационное строительство во имя порядка. С исторической точки зрения, *государство – финальная точка конкурентной борьбы среди тех, кто пытается силой обеспечить себе регулярный доход.* Банд на землях вокруг озера Ильмень было множество, но банда викингов оказалась сильнейшей, поэтому история и сохранила имя ее предводителя Рюрика. Вряд ли он думал о государстве как проекте, когда вырезал конкурентов.

Государство – это состояние, когда в игре силовиков на выбывание остается только один игрок. И тогда диктуемые им правила будут рано или поздно признаны людьми справедливыми и оправданными, то есть легитимными, поскольку сравнивать не с чем и выбирать не из кого. Время и регулярность насилия формируют привычку, блокирующую саму мысль о том, что государство и бандит – вовсе не разные сущности. Скорее, это разные точки единого континуума, количественные различия между которыми приводят к качественному отрыву государства от бандита. Как это ни шокирующе звучит, но любой бандит становится государством, если на определенной территории устранит конкурентов и станет монопольным распорядителем насилия, а также гарантирует защиту границ от нападения извне. *Государство – не цель движения практикующих силовиков, но логический предел их конкуренции и концентрации силового ресурса.* В классическом определении М. Вебера государство – территориальная монополия легитимного насилия. Согласитесь, гениальность как-то связана с лаконичностью.

Речь идет о монополии не в том смысле, что государство все силовые функции замыкает на себя. Оно вполне может поделиться этими функциями с частными организациями, допуская создание, например, частной полиции или частных охранных агентств. Но их подконтрольность государству, деятельность в отведенных государством рамках свидетельствует о сохранении государством монополии на насилие. Выход из под контроля, нерегулируемое развитие силовых структур, свидетельствует о разложении государства.

Но если любой закон есть производная функции насилия, то возникает вопрос: почему люди мирятся с насилием и даже воспевают его наиболее мягкие формы. Может лучше жить вне законов?

“Жить вне законов” – пребывать в естественном состоянии, если пользоваться терминологией Т. Гоббса. Это означает, что ваша собственность является таковой до тех пор, пока у вас хватает сил ее защищать от нападения окружающих. В этом случае каждый – защитник своего и захватчик чужого, включая жизнь. Нет ограничений методов борьбы, все средства хороши. Но индивидуальная защита – это дорого, неэффективно. Экономия на масштабах достигается, если передать право на защиту субъекту, специализирующемуся на физическом насилии. Наиболее эффективное решение проблемы – универсальный защитник, один на всех, что максимально расширяет зону предсказуемости. Это и есть государство. По Гоббсу, люди добровольно, из страха смерти, призывают чудовище Левиафана, чтобы он остановил “войну всех против всех”. Потому что жизнь под чудовищем лучше, чем смерть от соседа. Так осуществляется переход от естественного состояния к гражданскому. Левиафан – мифический образ государства. Единственное, в чем ошибался Гоббс, – люди не призвали готового Левиафана, а сами слепили его, веками оттачивая формы взаимоотношения с теми, кто обладали преимуществом в использовании физической силы.

Бандит превращается в идеально-типическое государство, если поддерживает справедливость и гарантирует порядок, во-первых, для всех, а не для отдельных платежеспособных клиентов, во-вторых, на основе формальных процедур, а не личных и переменчивых симпатий. Тогда неизбежно рождается коллективная иллюзия о государстве как полезном покровителе, насилие которого оправданно его благими намерениями. Хотя намерения у него те же, что у любого бандита, – за счет силового ресурса организовать хозяйственный процесс так, чтобы обеспечить регулярный доход политической элите. И наоборот, если представитель государства распоряжается силовым ресурсом как частным благом, допуская торг вокруг выносимых решений и практик правоприменения, то при сохранении символики и организационной формы государство вырождается в бандита.

Государство и бандиты: советская и постсоветская практика

Советский период (1960–1980-е годы). Бандиты были всегда. По крайней мере, в СССР они точно были. Но не будем путать их с бандитами, которые появились в конце 1980-х и стали визитной карточкой 1990-х гг.

Бандиты, которые осуществляли наезды на экономических агентов в советское время, были родом из криминального мира. И этот мир имел свою историю. Уголовники как реальная социальная группа со своими законами и иерархиями сформировались в 1930-е гг. Масштабность и жестокость репрессий привели к тому, что для многих тюрьма стала родным домом. Возникли социальные связи, чувство долга и ответственности перед этим сообществом, без помощи которого выживание невозможно. Уголовный мир как социальная организация возник в условиях *сильного* репрессивного государства, что принципиально отличает его от бандитов 1990-х гг. как порождения *слабого* государства.

Силовое предпринимательство советского времени было крайне простым по форме: вымогательство под лозунгом “делиться надо”. Делиться, понятное дело, никто не хотел. Но выхода не было по той простой причине, что милицию жертвы наездов

боялись больше, чем бандитов. От бандитов можно было откупиться, а обращение в милицию оказывалось чревато судебными разбирательствами по поводу источников доходов пострадавших. Дело в том, что бандиты преимущественно собирали дань с теневых советских предпринимателей, так называемых цеховиков. Их бизнес имел прямое отношение к тому, что называлось “хищением социалистической собственности”, поскольку свободного рынка сырья и оборудования в стране не было. Величайшая конспиративность цеховиков была связана с тем, что они боялись и милиции, и бандитов. И не известно, кого больше.

Единственное, что спасало и от людей в погонах, и от людей в наколах, были неформальные связи с советскими хозяйственниками, в тандеме с которыми цеховики строили свой теневой бизнес. Если уровень патронажа был высокий, то бандитов отаживали: уголовники всегда помнили, что картотеки угрозыска хранят их имена. Но это касалось лишь верхушечной части подпольной советской экономики. Остальные ее этажи были поделены между бандитами-уголовниками как делянки, приносящие регулярный доход. Естественно, периодически карта перекраивалась, что означало смену силовых потенциалов разных банд, кровью рисующих новые границы своих владений.

Регулярность поборов служила ограничителем их размера. Грабитель, не планирующий повторной встречи с жертвой, пытается взять все, что можно. Но бандит, получающий от теневика стабильный доход, вынужден умерять свои аппетиты и не допускать разорения объекта. Тут логики “кочевого” и “стационарного” бандитов, если пользоваться сравнительной метафорой М. Олсона.

Конец 1980-х–начало 1990-х годов. В конце 1980-х гг. характер и масштаб силового предпринимательства в корне изменились. Либерализация экономики набирает обороты, поначалу прячась за наиболее компромиссные с точки зрения сохранения социализма Закон об индивидуальной трудовой деятельности (1986 г.) и Закон о кооперации (1988 г.). Но систему было уже не спасти и в 1990 г. принимают Закон о предприятии и предпринимательской деятельности. Это был правовой каркас для легального частного предпринимательства. Грубо сколоченный, с зияющими дырами, но с явным посылом – можно то, что раньше было запрещено. И многие советские граждане, кто добровольно, кто вынужденно встали на этот путь. Но быстро выяснили, что ничего, кроме разрешительного характера эти законы и обрамляющее их нормативное облако не несут. Разложившееся государство не способно наладить эффективную систему защиты прав собственности и соблюдения контрактов. В том числе и потому, что существующие на тот момент государственные силовые структуры были негласно причислены к потенциальным противникам реформы. Это отразилось на их ресурсном обеспечении и медийной травле.

В это же время на социальном горизонте возникают группы со специфическим отношением к насилию, являющемуся стержнем их повседневных навыков. Это спортсмены и воины-афганцы. Спорт по сути своей есть игровая форма для канализации агрессии и соперничества, где физическая сила в ее разных ипостасях – главный фактор победы. Особенно это касается спортивных единоборств, имеющих при социализме привкус заграничного и запрещенного, что способствовало их популярности. Дух борьбы запирается как джинн в бутылку спортивных правил. Но бутылка лопнула вместе с развалом СССР, когда рухнула прежняя система финансирования спорта. Не менее плачевно было положение ветеранов афганской войны. После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. они не получили от общества ни материальной, ни моральной благодарности.

Спортсмены и ветераны-афганцы, как и все остальные “дорогие россияне”, пытались адаптироваться к новым условиям. Но формы и результативность адаптации зависят прежде всего от адекватности имеющихся ресурсов запросам среды. Специфический ресурсный потенциал этих групп был мобилизован социально-экономической ситуацией. То, что спортсмены и афганцы умели делать лучше других, – физические подавлять, терпеть боль, обращаться с оружием. Но главное – лояльное отношение к

насилию, моральное превосходство над теми, кто не способен себя защитить. Такие способности легко конвертировались в деньги в ситуации разложения государства и зарождения предпринимательства. Потеря государством монополии насилия вернула страну в “естественное состояние”, изгнание Левиафана означало неконтролируемое насилие. Именно в это время людей соблазняют частным бизнесом. Появляются те, с кого есть что взять. И в отличие от советского времени они появляются массово и открыто. Формально они могут искать защиту у государства, но ослабевшее государство никого защитить не способно.

В этих обстоятельствах маховик вымогательства набирает такие обороты, что становится заметным общественным явлением, требующим обозначения. Так повседневный язык обогатился понятием “рэкет”. Принципиально, что если вымогатели советских времен происходили за редким исключением из уголовной среды, то рэкет 1990-х гг. имеет более широкую социальную базу и знаменуется войной между уголовниками и бандитами неуголовного происхождения за раздел зон влияния.

Никто из прорабов перестройки не предполагал такого исхода событий. Это было уникальное наложение факторов, каждый из которых имел собственную логику. Вывод войск из Афганистана, развал спортивной системы, моральное и материальное принижение правоохранительных органов, низкая легитимность первых предпринимателей, неадекватность законов, устремленных в будущее, – все это и многое другое, по отдельности вполне сообразное проекту реформ, в своей совокупности привело к масштабному рэкету как непреднамеренному следствию осмысленных действий².

Вымогатель-рэкетир не просто собирал дань. Он обеспечивал безопасность фирмы в условиях потенциальной угрозы как результата множественности источников насилия. Бандит одновременно выступал как защитник для “своей” фирмы и источник опасности для всех остальных. Продаваемая им услуга имела характер “предложения, от которого нельзя отказаться”. Рэкетир – это бандит, продающий свое воздержание от насилия и способный оградить от насилия со стороны других бандитов. Охранный рэкет стал наиболее простой формой силового предпринимательства. Охрана могла принимать вид военных действий, но чаще заключалась в конвенциональных договоренностях с другими бандитами о разделении зон влияния.

1992–1995 годы. Конкуренция среди бандитов привела к тому, что они укрупнились, финансово окрепли. Сколоченные на скорую руку банды уступили место организованным преступным группировкам (ОПГ) с военной дисциплиной внутри и налаженными контактами вовне, включая связи с госорганами. Пожалуй, только преступность в середине 1990-х гг. была организованной, все остальные системы общества соревновались в степени хаоса. ОПГ были способны решать более сложные задачи, чем обеспечивать охрану от наездов “чужих” бандитов.

И такая возможность им представилась ввиду развития бизнеса. Растет масштаб сделок, множится число контрагентов, усложняются схемы, расширяется география контактов. Как результат, растут риски. Но государство катастрофически не успевает за потребностями бизнеса в производстве доверия между контрагентами. Речь идет о доверии не в силу веры в личную порядочность партнеров, а в силу действия формальных институтов, обеспечивающих права собственности и соблюдения контрактов. Государство, конечно, что-то пытается сделать в этом направлении. Так, в 1991 г. создается арбитраж. Но судиться по поводу хозяйственных споров долго, бессмысленно

² Похоже было и с американской мафией, “золотой век” которой пришелся на введение “сухого закона” (1919 г.). Введение закона – не воинствующий романтизм трезвенников, а законодательное оформление похода белых протестантов против новых иммигрантов, особенно ирландских католиков, которые любили выпить. Эта война тянулась с XIX в. и отражала недовольство “коренных” американцев тем, что ирландцы демпингуют рынок труда. В начале XX в. сицилийские мафиози бегут в США, спасаясь от репрессий фашистского режима Б. Муссолини. Десант опытных мафиози пришелся на введение “сухого закона”, провоцирующего подпольный бизнес и его силовое сопровождение, что привело к расцвету мафии. Как это ни странно, но у истоков американской мафии стояли этнические и религиозные конфликты в США, оформленные в антиалкогольное движение, и фашизм в далекой Италии.

(судебные решения элементарно не исполняются), чреватое нелестным имиджем “сутяги” и, главное, принципиально возможно только для легального бизнеса. Последнее отсекает от защиты со стороны государства добрую половину российского бизнеса, пребывающего в “тени”.

Потребность бизнеса в защите прав собственности и соблюдении контрактов начинают удовлетворять бандиты, чьи финансовые и организационные возможности к тому времени становятся избыточными для простой охраны. Так происходит функциональное усложнение отношений бандитов со “своими” фирмами. С них не просто собирают дань в обмен на воздержание от насилия, но и создают для “своих” фирм возможности экономического роста, что включает поиск направлений инвестирования, проверку контрагентов, обеспечение гарантий сделок, выбивание долгов, обналичивание средств и пр. Это была новая форма силового предпринимательства – *силовое партнерство*. Бандиты становятся заменителем арбитража, страховых компаний, судебных приставов, милиции. Неэффективность такой замены очевидна, если сравнить с идеальным правовым государством, но эта система была несопоставимо более эффективной, чем реальное российское государство того времени.

Крупные сделки были невозможны, если не подкреплялись гарантиями силовых предпринимателей. Фирмы, не имеющие силового партнера, неизбежно обращались к бандитам с просьбами выступить гарантом сделки или решить те или иные проблемы бизнеса. *Силовое посредничество* стало отдельной формой деятельности. В отличие от силового партнерства, предполагающего постоянные отношения с хозяйствующими субъектами по созданию благоприятных условий их роста, силовое посредничество решало конкретные проблемы бизнеса на нерегулярной основе.

Важно отметить, что простая охрана (и ее предельный вариант – рэкет) вполне возможна без какой-либо связи с властью. А вот решение транзакционных проблем бизнеса зачастую требовало налаженных контактов с госструктурами. И это обстоятельство дало решительное преимущество бандитам неуголовного происхождения. Уголовный мир жил по своим законам, среди которых был запрет на сотрудничество с властью. Да и для власти было рискованно связываться с откровенным криминалом. Поэтому связка “власть–бандиты” создавалась преимущественно на базе банд неуголовного происхождения.

Сделки между фирмами опосредовались поручительством бандитов. Отсюда – как элемент бандитской субкультуры – особое отношение к весомости слов (“за базар отвечаю”), которые были на вес золота в буквальном смысле. Репутация бандитов тщательно оберегалась, поскольку была главным источником дохода. Но прежде чем приносить доход, репутация требовала существенных инвестиций в виде решительных и результативных насильственных действий. Бандиты-посредники считали, что получаемая ими плата – цена их морального превосходства над бизнесменами, слово которых не может быть основой сделки. Они бы сильно огорчились, узнав, что это была плата за конкретную работу, функционально замещающую недееспособную государственность.

Основной итог этого периода – функциональное многообразие силового предпринимательства, тремя формами которого стали охрана, партнерство и посредничество. Но это функциональное усложнение таило для бандитов опасность. У них появились серьезные конкуренты в лице частных охранных агентств. Крутая реорганизация КГБ и менее острая реформа МВД привели к значительному оттоку кадров из этих структур. Снижение зарплат, падение престижа, плановые сокращения вынудили вчерашних офицеров искать новое место в жизни. Заметим, это были профессиональные силовики, имеющие опыт оперативной розыскной и конспиративной деятельности. Они предложили рынку частные силовые услуги, которые приобрели легальный статус после принятия весной 1992 г. Закона РФ о частной детективной и охранной деятельности. Подчеркну, закон не породил практику, но придал ей статус легальной.

Вероятно, авторы закона о частных охранных агентствах хотели лишь создать на рынке труда нишу для уволенных силовиков. Но неожиданным следствием этого шага

оказалось сокращение организованной преступности. Непреднамеренное следствие приятно удивило. Дело в том, что частные охранные предприятия и частные службы охраны взяли на себя роль силовых партнеров, прежде исполняемую бандитами. И бизнесу такое партнерство понравилось больше. Бандиты забирали 10–30% прибыли, а ЧОПы работали по контракту с фиксированными ценами за разные виды услуг. Они имели лицензии, платили налоги, что поднимало их статус как партнеров бизнеса. К тому же в силу старых связей у многих был доступ к базам данных, закрытых для бандитов. И хотя методы получения результата часто рождали вчерашних милиционеров с бандитами, бизнесменов это не касалось. В конкуренции цены и качества услуг бандиты проигрывали легальным силовым предпринимателям³. При этом для криминального бизнеса (наркотики, проституция, азартные игры и пр.) выбора не было, их единственно возможными силовыми партнерами оставались ОПГ.

С рынка насилия бандитов стали отжимать не репрессии государства, и не эффективность государственных служб, а конкуренция частных силовиков, имеющих легальный статус. Что, кстати, привело к тому, что многие ОПГ стали получать лицензии и действовать в статусе ЧОПов. И это не просто формальность – отныне часть их деятельности была налогооблагаемой, контролируемой, ограниченной рамками закона.

Если в конце 1980-х–начале 1990-х гг. борьба за место на рынке насилия велась между бандитами неуголовного происхождения с бандитами-уголовниками, то передел этого рынка, начиная с 1993 г., проходил под знаком конкурентного преимущества частных охранных агентств. Функциональное усложнение роли насилия, переход от охраны к силовому партнерству создали поле деятельности, где бывшие офицеры, имея явное профессиональное преимущество, стали теснить бандитов.

1996–2000 годы. В середине 1990-х гг. бандиты начинают активно капитализировать свои доходы, то есть скупать или учреждать предприятия. Конечно, у каждой ОПГ был свой календарь событий, кто-то отставал в осознании необходимости инвестиций, кто-то опережал события, кто-то вообще ушел со сцены, не вписавшись в новый тренд⁴. Но в целом с этого периода начинается новый этап силового предпринимательства, а именно, активная легализация бандитов, их конвертация в бизнесменов. Стандартным элементом коммерчески настроенных ОПГ стали доверенные бизнесмены, фактически управляющие активами групп. Если прежде предприниматели были источниками доходов, то теперь они стали деловыми партнерами. Партнерство потушило чувство превосходства бандита над бизнесменом.

Конвертация бандитов в местную бизнес-элиту имела объективные причины. ОПГ накопили достаточные средства, которыми надо было распорядиться с максимальной выгодой. Важно и то, что, обеспечивая экономические трансакции, они получили опыт решения предпринимательских проблем, вошли в сети делового мира. Возможно, появился кураж попробовать себя в новом качестве. Но самое главное – изменения, происшедшие в стране. Государство постепенно начинает реанимироваться. Идея наведения порядка, возвращения монополии насилия составляет нерв раскола политической элиты. Став президентом, В. Путин прямо озвучивает эту идею как новый проект власти. Правоохранительные органы активизируются, растут репрессии против ОПГ. В этих условиях уход бандитов в легальный бизнес стал фактически единственным вариантом их будущего. Иначе надо выводить деньги за рубеж и эмигрировать, что также массово практиковалось в те годы. Кто не уехал и не успел осуществить ребрендинг с бандита на бизнесмена, плохо кончил.

³ Не случайно бандитского периода удалось избежать Венгрии, где частные охранные предприятия были легализованы в самом начале их рыночной реформы. В середине 1990-х гг. у них один частный охранник приходился на 77 человек, а у нас – на 1000 [Волков, 2006, с. 59].

⁴ Например, казанская ОПГ задержалась на стадии охранного вымогательства и, не успев конвертироваться в бизнес, попала под каток репрессий. Примером успешной игры на опережение стала уралмашевская ОПГ, учредившая 200 компаний и 12 банков и ставшая долевым участником еще 90 компаний [Волков, 2011, с. 241].

Но государство восстанавливает свои позиции не только в смысле репрессий. Переболев рыночным романтизмом, власть серьезно занимается хозяйственным законодательством. Повышается эффективность и престиж арбитража. Верность рыночным идеалам в 1990-е гг. проявляется в том, что если предприниматель находит законодательную “дыру” и с выгодой ее использует, то власть латает эту “дыру”, но самого предпринимателя не трогает, то есть постоянно корректирует законы, тестируя их на практике. (Что в корне отлично от ситуации 2000-х гг., когда пролезшего в законодательную дыру предпринимателя показательно репрессируют, поскольку он нарушил “не букву, но дух закона”.)

Институциональные усовершенствования и растущая эффективность госорганов приводят к тому, что возникают основы доверия рыночных контрагентов друг к другу. Силловые предприниматели как производители и продавцы доверия, ограниченного масштабом сделки, теряют поле деятельности. Безусловной их вотчиной является криминальный бизнес, который не может рассчитывать на помощь государства. Но в свете растущих репрессий этот путь становится более рискованным. Таким образом, с одной стороны, бизнес привлекал бандитов возможностью капитализации доходов и ухода от репрессий, с другой – успехи государства в институциональном строительстве сокращали поле деятельности силовых предпринимателей. Не забудем и то, что доля рынка, обслуживаемая бандитами, существенно сокращалась по мере роста числа ЧОПов и частных служб безопасности. Рынок насилия становится напряженно конкурентным, а это активизирует поиск других сфер и форм деятельности.

Переход в региональную бизнес-элиту стал типичным завершением карьеры верхушечной части силового предпринимательства. Низовой уровень остался не у дел, пополнив ряды неорганизованной преступности, которая выплеснулась на улицы на головы простых граждан. Экономика потянула за собой политику. Чтобы защитить инвестиции в бизнес, бандиты пошли в политику. Это изменило характер бизнеса, политики и преступности одновременно, обогатив их новым функционалом и субкультурным содержанием. Иногда бандиты неплохо шутили по этому поводу. Например, лидеры уралмашевского организованного преступного сообщества (ОПС) вошли в политику через учреждение обществено-политического союза “Уралмаш”, сохранив тем самым аббревиатуру ОПС [Волков, 2011, с. 242]⁵.

2000-е годы. “Нулевые” годы проходят под знаменами укрепления государственности. “Вертикаль власти”, “командные высоты в экономике”, “диктатура закона” становятся ритуальным клише в речах политиков и публицистов. При всей сложности и противоречивости процесс укрепления государства отрицать невозможно. В разных формах насильственных действий – репрессии, правосудие, налоги – государство существенно потеснило конкурентов в лице частных силовых предпринимателей, что можно трактовать как победу государства над бандитами, главными конкурентами в поле насилия. Бандиты остались символом 1990-х гг., перейдя в “нулевые” лишь как герои фильмов и книг, подернутых ностальгическим флером. На этом можно было бы поставить точку или восклицательный знак в зависимости от политических ориентаций.

Но должна огорчить. Бандитов вытеснило не государство как машина обезличенного поддержания формальных норм, а армия представителей государства, приватно распоряжающаяся государственными силовыми ресурсами. Чиновники, офицеры, судьи победили бандитов тем, что сделали административные и силовые ресурсы государства предметом торга. Представители государства не встали на порочный путь нарушения законов, отнюдь, они действуют в строгом соответствии с формальными нормами, но интерпретируют и исполняют эти нормы сообразно интересам клиентов. Не безвозмездно, разумеется.

⁵ Терминологически правоохранительные органы различают ОПС и ОПГ. ОПС (организованное преступное сообщество) включает в себя ОПГ (организованную преступную группировку), имеет вложения в бизнес и устойчивые связи с местной исполнительной и законодательной властью.

Пожалуй, отчетливое лидерство представителей государства как силовых предпринимателей проявилось в период рейдерских захватов предприятий, пик которых приходится на 1999–2002 гг. В этот период интегрированные бизнес-группы как неформальные субъекты крупного бизнеса стали активно трансформироваться в компании, объединяющие предприятия единой технологической цепочки или одной отрасли. Правовая рамка этого процесса была создана новым законом о банкротстве (1998 г.), существенно снизившем порог задолженности как основания для начала процедуры банкротства. В тех реалиях практически любое предприятие можно было прибрать к рукам посредством этого закона. Решением арбитража назначался внешний управляющий, менялся состав оперативных руководителей, чьи действия вынуждали собственников продать акции. Упорствующим в нежелании расстаться с собственностью добивался сфабрикованными уголовными делами. Этот типовой для того времени сценарий работал только при поддержке со стороны государственных структур. Бандиты, ЧОПы могли выполнять отдельные мелкие задачи, но в целом успех дела решало покровительство государственных органов. Арбитраж должен был вынести нужное решение, ОМОН обеспечить физический доступ для новых управленцев, следовательно открыть дело против несговорчивых собственников, губернатор дать понять исполнительной вертикали, что происходящее его устраивает, и т.д. Масштабный передел собственности требовал слаженной работы всех подразделений государственной власти, торгующих своими полномочиями в интересах крупного бизнеса.

Возможности действующих офицеров способствовать развитию бизнеса были несопоставимы с возможностями бандитов, что и решило дело. Бандиты оказались отодвинутыми в кордебалет силового предпринимательства логикой рынка. Сначала их потеснили бывшие сотрудники силовых ведомств, уволенные или уволившись, которые создали частные охранные агентства и предложили бизнесу набор услуг, оказываемых бандитами, но дешевле и качественнее, причем на легальной контрактной основе. Но “бывшие” хоть и использовали связи с работающими коллегами, все же существенно проигрывали им в возможностях решать деловые вопросы. И проигрывали тем отчетливее, чем сильнее становился аппарат государственной власти. Бизнес быстро понял, что времена изменились, государство сконцентрировало в своих руках значительные административные и силовые ресурсы. Возможности бывших и работающих офицеров даже сравнивать смешно, что и определило выбор бизнеса. По мере усиления государства растет привлекательность госструктур как “крыш”, соответствующая профилю и масштабу бизнеса. Для одних верх мечтаний – районное отделение милиции, для других – верхние этажи ФСБ.

Само понятие “крыша” описало своеобразный круг. Прежде это был профессиональный сленг разведчиков, “крыша” означала формальное прикрытие внедряемого агента. В 1990-е гг. бывшие офицеры, пришедшие в частное силовое предпринимательство, обогатили язык бандитов этим понятием. “Крыша” стала означать силовое прикрытие бизнеса частными легальными (ЧОПы) или нелегальными (ОПГ) структурами. Тем самым подчеркивалась польза такого сотрудничества для бизнеса. “Крыши” и государство были принципиально разными сущностями. В 2000-е гг. понятие “крыша” обогатилось неформальным сотрудничеством с работниками полиции и госбезопасности: “крыша” из сленга разведчиков перешла в словоупотребление бандитов, а затем вернулась к разведчикам, приравняв их к бандитам.

На рынке насилия, где сила конвертируется в деньги путем установления контроля над экономическими агентами, бывшие милиционеры, отодвинув бандитов, уступили место действующим сотрудникам государственных органов. Последние не делают ничего предосудительного: они реально находят украденное, обеспечивают безопасность, возвращают долги, сопровождают грузы и пр., но делают это не для всех налогоплательщиков, а для частных клиентов, то есть создают правопорядок не как общественное, а как частное благо. Динамика типичных силовых предпринимателей, начиная с советского периода, выглядит следующим образом: уголовник в наколках; спортсмен с массивной золотой цепью; бывший офицер с лицензией ЧОПа; действующий офицер со служебным удостоверением.

Итак, бандиты, сделав свое дело, ушли в прошлое. Кто-то был репрессирован, кто-то соблазнен высокими государственными должностями, кто-то пополнил ряды бизнес-элиты. При всех кровавых подробностях того времени бандиты сделали благое дело: обеспечили защиту прав собственности и соблюдение контрактов, что позволило развиваться рынку в 1990-е гг. Это были неформальные институты, но других и быть не могло в ситуации фактической потери государственности. Бандиты – порождение слабого государства, нейтрализация его институциональной недееспособности. В 2000-е гг. государство реанимируется, бандиты теряют свои позиции в экономике.

Но победило бандитов не государство как машина деперсонифицированного поддержания формальных институтов, а его представители, распорядившиеся административными и силовыми ресурсами государства в личных целях, что позволило им стать силовыми предпринимателями, превосходящими бандитов в эффективности решения проблем бизнеса. Новые силовые предприниматели, как прежние бандиты, обеспечивают работу неформальных институтов регулирования экономики. Но если бандиты восполняли вакуум формальных институтов, то их “сменщики” формируют неформальные институты, опираясь на мощный аппарат принуждения и разветвленную сеть формальных законов, вольность интерпретации которых и селективность применения составляют специфику силового ресурса этой группы.

Эпилог

По данным Института общественного проектирования (2007 г.) правоохранные органы по степени коррумпированности уступают только федеральной власти [Сумма... 2008]. Это более или менее ожидаемая оценка. Но важно, что из всех групп респондентов самая жесткая оценка коррумпированности правоохранительных органов исходит от бизнес-элиты. Что это означает в контексте отношений бандитов и государства? Силовым предпринимателем “номер один” стали работники полиции и органов госбезопасности. Силовые государственные структуры, занятые доходным делом “крышевания”, по причине ограниченности ресурсов все менее отвлекаются на создание общественных благ типа безопасности и правопорядка. Показательно, что в начале 2000-х гг. наиболее высокая доля подрабатывающих милиционеров была именно в отделах по борьбе с организованной преступностью (в рабочее время – 37%, в свободное время – 59%) [Косалс, 2005, с. 11].

Бандитам остаются объекты, по какой-то причине не интересные офицерам, типа труднодоступных кафе в тундре. Или криминальный бизнес. Последнее безусловно, так как по мере растущих appetites и снижения контроля со стороны общества силовые структуры начинают проникать на территорию, традиционно отписанную бандитам. Если крышевание проституции милицией стало народным знанием, то связь офицеров МВД и прокуратуры с игорным бизнесом в Подмоскowie – фактом новостных хроник.

Что же касается Сагры... Широкое вещание акцентирует внимание на бандитской “крыше”, что соблазняет параллелями с 1990-ми гг. Но тогда были другая страна, другая милиция и другие бандиты. Нынешние коммерчески ориентированные офицеры предпочитают крупный бизнес, оставляя бандитам “неудобицу” типа цыганской наркоторговли в ее хлопотном розничном финале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков В.В.* Российское государство и ранний капитализм в сравнительной перспективе // Русские чтения. Вып. 2. М., 2006.
- Волков В.В.* Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. СПб., 2011.
- Косалс Л.Я.* Дисфункциональные рынки в условиях российской трансформации (на примере рынка милицейских услуг). Препринт WP4/2005/02. М., 2005.
- Сумма идеологий. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М., 2008.